

студа была сильная и держалась долго; я не выходилъ изъ дому, тѣмъ болѣе, что начались сильные морозы. Разъ утромъ приходитъ сторожъ (уже другой): — „Ой, М. М., бѣда!“ — Что такое случилось? — „Рука отвалилась“. — Какъ? какимъ образомъ? — „Да такъ, какъ бы вамъ сказать, сама собой. Прихожу, смотрю, а руки нѣтъ“... Я не выдержалъ. Говорятъ: дай Богъ только бѣду, и бѣдные становятся богатыми, а больные здоровыми. Закутавшись, я побѣжалъ въ мастерскую. Оказалось, что сторожъ до того старательно мочилъ статую, что глина превратилась въ жидкую кашу. Кое-какъ поправилъ я дѣло и пошелъ доканчивать хворать.

Время шло медленно: днемъ я не могъ дожидаться ночи, а ночью — дня. Моими посѣтителями были докторъ и старушка-хозяйка, которая при выходѣ говорила со вздохомъ: „Der gute Antokolsky!“ — точно оплакивала меня. Комната моя была уютная, свѣтлая; около оконъ стояла деревянная лѣсенка, вся обставленная любимую мною зеленью. Иногда и солнце заглядывало: погрѣетъ меня и поскорѣе спрячется, будто стыдясь, что пришло не во-время. Созжителемъ моимъ былъ Эліасъ; онъ былъ еще ребенкомъ тогда, но въ одиночествѣ чувствовать около себя живое существо — большая отрада. Кой-какъ оправился я, по крайней мѣрѣ настолько, что могъ продолжать работу.

Кажется, около этого времени я познакомился съ семействомъ Сѣрова. Обо мнѣ говорилъ имъ скульпторъ Каменскій; съ нимъ я познакомился годъ тому назадъ, и онъ мнѣ показался симпатичнымъ, добрымъ; онъ досталъ мнѣ урокъ рисованія, продолжавшійся, правда, не долго; онъ же свезъ меня къ Сѣрову на музыкальный вечеръ. Скоро Каменскій уѣхалъ, а я къ Сѣрову болѣе не ходилъ. Теперь Сѣровы пожелали видѣть мой эскизъ: „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“. Пришли они въ мастерскую веселые, повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа. Я ушелъ устраивать эскизъ — онъ находился не у меня, — вернувшись, не узналъ своихъ посѣтителей: они стояли серьезные и задумчивые. Оказалось, что въ мое отсутствіе они познакомились съ „Иваномъ Грознымъ“, сдѣлавшимъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Мое авторское самолюбіе было польщено.

Послѣ этого знакомства я часто бывалъ у Сѣровыхъ. Они привлекали меня не только какъ хорошіе люди, но и какъ музыканты. Музыка поднимала, обогрѣвала и поддерживала мое существованіе; я страстно любилъ это искусство еще въ дѣтствѣ. Мнѣ вспоминается, какъ я по цѣлымъ вечерамъ осенью сидѣлъ у окна чужого дома, слушая пѣніе кантора; его мягкій, мелодич-